

Украина выбирает запад, но без востока

«Оранжевая революция» ознаменовала собой политическое рождение украинской нации. Теперь необходимо распространить новое национальное самосознание на восток и юг страны | **ДОМИНИК АРЕЛЬ**

«**О**ранжевая революция» стала самым важным политическим событием в Восточной Европе со времени падения Берлинской стены. Но в основе ее лежит парадокс. С одной стороны, сутью этой революции были формирование нации в политическом смысле, обновление политического режима в Украине и изменение вектора политического развития в сторону «открытого общества», синонимом которого в современном политическом словаре является всего одно слово: Европа. Однако, с другой стороны, «оранжевая революция», как таковая, обязана сильному национальному движению в Украине. Национальному именно в смысле национализма.

«Вера меньшинства», если воспользоваться названием известной книги Эндрю Уилсона, писавшего о том, что украинские националисты обречены оставаться в меньшинстве, не оказалась дорогой в «никуда» — вопреки пророчествам бывшего посла США в СССР Джека Мэтлока¹. В декабре 2004 года в результате тотального недоверия к политическим институтам ситуация в Украине радикально изменилась. Национальное самоощущение фактически трансформировалось в избирательное большинство, хотя и неожиданными путями, и его успех в самом трудном искусстве, искусстве организованного и целенаправленного коллективного действия, позволил сломать старый режим. Мы все-таки далеко отошли от взглядов

Ханса Кона², для которого национализм на Востоке был воплощением эмоций и иррационального начала и представлял угрозу открытому обществу. «Оранжевая революция» произошла там, где для Кона уже, наверное, был «дальний» Восток, поскольку для него Восток начинался на французско-немецкой границе. И если теперь Украина находится на пути к открытому обществу, это в значительной степени обусловлено силой ее национализма.

Сложность состоит в том, что украинское общество переживает серьезный кризис легитимности. «Не-оранжевая» часть электората — а это 44 проц. — в последнем туре выборов 26 декабря отказалась признать легитимность народного восстания на киевском Майдане. «Оранжевый» электорат (26 декабря он составил 52 проц.), еле переваливший через порог большинства, отказывается признать, что «не-оранжевые» имеют право на недовольство. Можно было бы не обращать внимания и счесть это обычными спорами между победителями и проигравшими на выборах, если бы не то обстоятельство, что «оранжевые» и «не-оранжевые» избирательные округа четко поляризованы географически.

Однажды Украина уже была разделена по географическому признаку: в ходе последнего

ПЕРЕВОД ЛЕКЦИИ, ПРОЧИТАННОЙ АВТОРОМ В ФЕВРАЛЕ 2005 ГОДА В КЕМБРИДЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В РАМКАХ ПРОГРАММЫ «ЕЖЕГОДНЫЕ ЛЕКЦИИ СТАСЮКА О СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ». ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ АВТОРА.

тура президентских выборов 1994 года, приведших к власти Леонида Кучму. Проблема в том, что сейчас Украина поляризована гораздо сильнее, нежели в 1994-м. В то же время (и тут, как будет показано ниже, нет никакого противоречия) высочайший уровень неприятия Виктора Ющенко в Восточной Украине фактически такой же, как и уровень отторжения Леонида Кравчука в 1994 году, когда никакой «оранжевой революции» не произошло. Я бы сказал, что здесь действует более мощный фактор, а именно страх оказаться «ненужным». И в свете этого весьма значимым является тот факт, что в новом кабинете министров — впервые со времени создания Советской Украины в 1920-х — Восточная Украина фактически не представлена.

Предсказать «оранжевую революцию» было невозможно

«Оранжевая революция» началась 22 ноября 2004 года, когда стало ясно, что прежний режим фальсифицировал выборы. Для фальсификации результатов выборов в условиях острой конкуренции требуется большое мастерство, но в фальсификации результатов в Донецке — а это был основной плацдарм тогдашнего премьер-министра Виктора Януковича — не было ничего особо искусного. Донецк сообщил о подавляющем преимуществе Януковича (96 проц.), и это само по себе не было совсем уж неправдоподобным, поскольку в некоторых районах Галичины в Западной Украине наблюдалась почти столь же единодушная поддержка Ющенко. Но Донецк переборщил в том, что сообщил о невероятно высокой явке избирателей — 97 проц., что на 10 проц. выше, чем в любой другой области за пределами Донбасса, на 16 проц. выше среднего значения по стране и на 19 проц. выше явки в той же Донецкой области всего тремя неделями раньше.

Если со статистической точки зрения правдоподобие этих данных вызывало сомне-

ния, то Майдан и почти сразу вслед за ним западные правительства сочли их полностью неправдоподобными. В Донбассе (в Донецке и соседнем с ним Луганске) было сфабриковано, как минимум, 3/4 миллиона лишних голосов, и одно это уже позволяло поставить под сомнение тот небольшой (2,9 проц.) перевес, который получил Янукович в общенациональном масштабе. Плюс к тому поступали заявления о тысячах нарушений по всей Восточной и Южной Украине. В большой стране трудно оценить, в какой мере нарушения на местах могли повлиять на совокупный общенациональный результат. Скоро обнаружились свидетельства (в виде записанных на пленку телефонных разговоров) того, что президентская администрация перехватывала результаты, посланные территориальными избирательными комиссиями, и изменяла их прежде, чем они поступали в Центральную избирательную комиссию. Однако, чтобы установить подлинность записанных на пленку бесед, требуется время.

Именно очевидные и грубые нарушения, имевшие место в Донецке, подвигли западные правительства и ОБСЕ на непризнание результатов второго тура выборов и, вероятнее всего, стали первоначальным импульсом для людей, заполнивших Майдан. Русский наблюдатель, представлявший одну из европейских организаций на выборах в Донецке — вотчине Януковича, — был потрясен не столько нарушениями, как таковыми, сколько тем, как открыто и нагло они совершались. Эта наглость — назовем ее высокомерием некомпетентности — в конечном счете и погубила правящий режим.

Однако такого бы не произошло, если б не упорное общественное сопротивление. Но об этом факторе решительно никто, включая и самого Ющенко, не мог ничего сказать с определенностью. Вот почему все разговоры относительно того, что «оранжевая революция» стала результатом вмеша-

тельства Запада, хотя и содержат определенную долю правды, но в конечном счете упускают из виду самую суть. Основной костяк «оранжевых» составляло студенческое движение «ПОРА», которое было чрезвычайно хорошо организовано и, без сомнения, сильно выиграло от обучения, проведенного сербскими и грузинскими коллегами, а также некоторыми американскими фондами. Содержание палаточного лагеря в центре Киева стоит денег, и немалых, но гораздо

всех семинаров в рамках украинских исследований, на которых я присутствовал в последние несколько лет, включая и тот, который я проводил за месяц до второго тура, соглашались в одном: гражданское общество в Украине еще слишком слабо, чтобы противостоять становлению постсоветского авторитарного режима. Революция стала прежде всего открытием: оказалось, что на самом деле с момента обретения независимости украинское общество сильно изменилось.

“Разговоры о том, что «оранжевая революция» стала результатом вмешательства Запада, в конечном счете упускают самую суть”.

более вероятно, что эти деньги поступили не от вездесущего Дяди Сэма, а от группы богатых сторонников Ющенко, которые — надо же, какое совпадение! — теперь составляют ядро кабинета Юлии Тимошенко. В Украине крутилось много денег, и не все они принадлежали олигархам из лагеря Януковича.

Все предполагали, что произойдут сравнительно небольшие выступления, которые могут дезорганизовать жизнь в центре города, как это было за четыре года до того, во время кризиса, связанного с исчезновением Григория Гонгадзе, когда немногочисленные демонстрации под лозунгом «Украина без Кучмы» призывали западные страны не признавать результатов выборов. Вместо этого на улицы вышли массы людей, причем их число постоянно увеличивалось. Можно спорить о том, сколько именно людей собралось на улицах, но достаточно было просто взглянуть на Майдан, чтобы вспомнить Берлин, Прагу и Бухарест в 1989 году. Или Белград 2000-го и Тбилиси 2003 года.

Если оперировать понятиями рационального выбора, была достигнута критическая точка, после которой выгода от участия в коллективных действиях превосходит «затраты». Этого не мог предвидеть никто. Участники

В результате массового, но мирного восстания в центре Киева, нервном центре власти, серьезному давлению подверглись не западные правительства, а элиты прежнего режима. При таком количестве людей на улицах и при очевидной подтасовке выборов в Донецке Западу было гораздо легче принять решение о непризнании результатов выборов, даже при том, что Франция и Германия предпочли бы не связываться с этой проблемой ввиду особой важности собственных нефтяных интересов в России, для которой «оранжевая революция» стала большим ударом. С этого момента, когда уличные демонстрации достигли критической массы, а Запад отказался признать объявленные властями результаты второго тура, судьба «оранжевой революции» зависела от того, удастся ли элите правящего режима сохранить сплоченность. Как утверждает политолог из Йельского университета Кит Дарден³, характерной особенностью старого режима (для краткости я использую здесь это выражение, но на самом деле это не старый режим, а скорее специфическое порождение постсоветской среды) была неправомерная деятельность государственных институтов (служба безопасности, финансовые, региональные и

образовательные учреждения) в интересах одного конкретного лидера и его окружения.

В определенном смысле успех «Нашей Украины», политической опоры Ющенко, — это история о том, как должностные лица, служившие режиму Кучмы, уволенные либо разочаровавшиеся, объединились, чтобы бросить ему вызов; это и сам Ющенко, и Юлия Тимошенко, и нынешний вице-президент Анатолий Кинах — в общем, список довольно длинный. С другой стороны, «оранжевая революция» — это история властных элит, изменивших режиму Кучмы еще тогда, когда они возглавляли свои ведомства. Перед первым туром на грани дезертирства был только Владимир Литвин, бывший руководитель президентской администрации, занявший пост спикера парламента, где он должен был стать подручным Кучмы. Литвин реализовал свои намерения 27 ноября, когда парламент проголосовал за непризнание результатов второго тура.

Под давлением улицы число перебежчиков росло лавинообразно. Ректоры университетов бросили вызов режиму и разрешили своим студентам ходить на демонстрации. Областные советы объявили, что они отказываются признавать результаты выборов. Дипломаты, находящиеся за границей, осудили фальсификацию. Медиаманаты, так называемые олигархи, начали ослаблять административный контроль над вещанием. И самое главное, органы безопасности отказались выполнять приказы о применении силы. Западные СМИ сообщали, будто такой приказ был отдан, когда революции исполнилась неделя отроду, и будто Служба безопасности Украины (СБУ) дала понять, что, если потребуется, она готова оказать противодействие армии или вооруженным отрядам Министерства внутренних дел. Действительно ли был отдан такой приказ, еще предстоит выяснить, но, по всем признакам, ко второй неделе власть поняла, что она больше не может рассчитывать на поддерж-

ку СБУ. Последней каплей стало решение Верховного суда, аннулировавшего результаты второго тура и назначившего третий тур выборов, вопреки явно выраженному желанию президента Кучмы.

Накануне «оранжевой революции» наблюдатели в Украине понимали, что разрешение кризиса в стране зависит от того, отвернется ли критическая масса элит от старого режима. Но предсказать, что могло бы спровоцировать цепную реакцию отступничества, было невозможно. Иначе говоря, было невозможно предсказать «оранжевую революцию». Причиной «оранжевой революции» стал не провозглашенный политический курс, который обычно является главным фактором выборных предпочтений, а сама процедура выборов. Революция совершалась не ради торжества неолиберальной экономической модели и не ради защиты геостратегических интересов Америки; она стала реакцией на систематические злоупотребления исполнительной власти в Украине и лицемерные заявления о стратегическом курсе на европейскую интеграцию, сопровождавшиеся ухудшением всех — и политических, и экономических, и правовых — показателей «европеизации». Феномен «оранжевой революции» представляет собой создание гражданского общества в режиме реального времени, прямо у нас на глазах, в том смысле, что впервые в истории Украины организованное общество исполняло роль противовеса по отношению к государству. Двенадцать дней массовых демонстраций между 22 ноября и 3 декабря (день, когда Верховный суд принял свое решение) невозможно инсценировать.

«Оранжевая революция» как результат объединения Центральной и Западной Украины

Пока нам мало что известно относительно социальных корней «оранжевого» движения, и, без сомнения, в ближайшие годы социо-

логические и антропологические исследования должны помочь нам глубже в них разобраться. Но важнейшую роль, по-видимому, сыграли два фактора: поколенческий и национальный. «Оранжевое» движение началось с «ПОРА» — группы студентов, которые к моменту обретения Украиной независимости были еще детьми или подростками, и привело к образованию, кажется, самого молодого кабинета министров (средний возраст 44 года) за весь период после большевистской революции 1917 года. Безусловно, на Майдане были люди всех возрастов, и

ную принадлежность как владение французским языком — и только. В вопросе о лингвистическом разнообразии они проявляли (и проявляют поныне) крайнюю нетерпимость. В Украине национализм является важным фактором, потому что здесь одна большая группа населения оказывается гораздо более сплоченной, чем другая, в своем представлении о характере украинской культурной общности. Эта группа наиболее многочисленна на западе Украины — на территориях, которые не были ни частью Российской империи, ни частью Советского Союза

“Феномен «оранжевой революции» представляет собой создание гражданского общества в режиме реального времени, прямо у нас на глазах”.

поколение бабушек принимало во всем этом самое активное участие. Однако движущей силой и на низовом уровне, и в центральном руководстве, по всей видимости, стало поколение, которое в советскую эпоху не занимало ответственных постов. И это поколение, как легко предположить, в своем представлении о государстве радикально отличается от *homo sovieticus*. Именно это более всего тревожит соседей-автократов, начиная с России, когда они пытаются оценить экспортный потенциал «оранжевой революции».

Смягчающим фактором, однако, является национализм. Многие воспринимают национализм как позорное явление, а сам термин часто используют избирательно. Тем не менее это понятие оказывается полезным в рамках сравнительного политического анализа. Я имею в виду, что национализм — это притязания на политический суверенитет, в основе которых — претензии на отдельную культурную общность. Принято считать, что французская модель нации не соответствует такому представлению, но, в сущности, сами французы определяют свою националь-

вплоть до Второй мировой войны (с одним региональным полуисключением). Конечно, не одни западные украинцы были на площади, но не приходится сомневаться в том, что они, и в частности галичане, были непропорционально широко представлены среди главных активистов Майдана. Если бы их там не было, возникли бы серьезные организационные проблемы.

Но оставьте на площади их одних — и возникнет еще бóльшая проблема. «Оранжевая революция» — это не победа галичан. На самом деле это первое реальное (а не символическое, как было в 1919 году) совместное выступление жителей Западной и Центральной Украины. В рамках избирательной арифметики нет никаких сомнений (ниже это будет доказано), что победу Ющенко определили именно избиратели Центральной Украины. Вполне очевидно (хотя пока мы не имеем на этот счет систематизированных данных), что на Майдане основную часть не-западных демонстрантов составляли представители областей Центральной Украины. А что касается элит,

поучительно будет рассмотреть состав нового кабинета министров Украины. Из 23 министров только четыре с востока страны, но и с запада только четыре, а почти две трети — это представители Центральной Украины. Донбасские средства массовой информации часто говорят об угрозе захвата Украины галичанами, но на самом деле Галицию в кабинете представляет всего один министр. В украинской политике теперь доминирует именно Центральная Украина.

Почему это так важно? Потому, что гражданское общество, существование которого наглядно продемонстрировала «оранжевая революция», пустило корни в тех областях, где украинское национальное самосознание оказалось наиболее сплоченным. Конечно, история свидетельствует, что национализм может привиться на любой политической идеологии. В период между двумя мировыми войнами украинский национализм в Западной Украине взял на вооружение авторитарную модель общества, которая тогда активно распространялась по всей Центральной Европе. В первые годы независимости основная масса националистов, казалось, больше интересовалась формальными атрибутами государственности, чем реальными реформами. Но грянувший четыре года назад скандал «Кучмагейт» показал, что из всей массы избирателей организованное сопротивление антидемократическим действиям властей смогли оказать только националисты (хотя в то время это не привело их к успеху). Иными словами, именно националисты (за исключением маргинальных группировок радикального толка) в тот решающий момент оказались демократами — и фактически никто, кроме них.

Нам следует спросить себя: почему и тогда, и теперь в одних регионах (западные области и центр) люди мобилизовались, а в других (восточные и южные области) — нет? На мой взгляд, это определяется тем, как

люди понимают свою национальную идентичность. Жители Центральной и Западной Украины более едины в своем представлении о национальной идентичности, и это обостренное ощущение солидарности делает их более способными к коллективным действиям. Национализм действует как средство для реализации определенной программы, а программа состояла в построении открытого общества, подобного тому, какое существует в Европе. Сейчас нам самое время забыть об опыте «интегрального»⁴ национализма — пусть остается в чулане истории; еще раз оговорюсь, что маргинальные проявления национализма не в счет. Национализм породил «оранжевую революцию», которая, как уже было сказано выше, приняла форму народного восстания во имя открытого общества.

Но «оранжевые» победили только в половине страны, и эта половина очень четко обособлена географически. Посмотрим, каким образом эта поляризация выражается в цифрах. Украина делится на двадцать семь административных единиц: двадцать четыре области, одна автономная республика (Крым) и два города с особым территориальным статусом (столица страны Киев и военно-морской порт Севастополь, многие объекты в котором сданы в аренду российскому флоту). В заключительном туре, 26 декабря, Янукович победил на десяти территориях, объединяющих чуть меньше половины (48 проц.) национального электората. Ющенко победил на семнадцати территориях, объединяющих фактически другую половину электората (52 проц.). В областях, где победил Янукович, он получил 75 проц. голосов. В областях, где победил Ющенко, он набрал 80 проц. голосов. Только в одном из двадцати семи территориальных образований — в южной Херсонской области — разница в набранных голосах оказалась сравнительно небольшой: 51 проц. у Януковича и

43 проц. у Ющенко. На всех остальных двадцати шести территориях преимущество одного кандидата над другим было огромным. После Херсона самые близкие результаты у кандидатов оказались в Кировоградской области, которая относится к Центральной Украине, но «колеблется» между центром и югом страны (частично она расположена на территории, которая в прошлом называлась Новороссией). Здесь Ющенко победил Януковича с перевесом в 31 проц. (63 проц. против 32 проц.), что в любой другой стране считалось бы гигантским перевесом.

Другой подход состоит в том, чтобы рассматривать Украину не с точки зрения единиц административного деления, а с точки

“У украинских элит был стимул к объединению вокруг двух полюсов, а это способствовало формированию плюрализма — за неимением другого проекта”.

зрения регионов. В литературе идут интересные споры⁵ о том, как лучше всего очертить регионы Украины, но я буду исходить из той схемы, которой неизменно пользуюсь уже десять лет и которая предусматривает выделение пяти регионов и Киева как особого пространства. В этой схеме «зона Януковича» делится на индустриальный восток и наполовину индустриальный, наполовину аграрный юг, в то время как «зона Ющенко», в которой преобладает сельское хозяйство, делится на три региона — в зависимости от времени присоединения территории к государству, управляемому из Москвы: Левобережье (1640-е), Правобережье (1790-е) и запад (1940-е). Киев — столица и центр индустриального развития — резко выделяется из этого сельскохозяйственного пейзажа. 26 декабря Янукович собрал 79 проц. голосов на востоке страны и 70 проц. на юге, в то время как Ющенко собрал 72 проц. голосов в Левобережье, 78 проц. в Киеве, 78 проц. в Правобережье и 89 проц. на западе Украины.

Географическая поляризация обозначилась очень резко, и даже резче, чем десять лет назад. На президентских выборах в июле 1994 года тогдашний премьер-министр Леонид Кучма неожиданно победил действующего президента Леонида Кравчука с перевесом в 6 проц. (51 проц. против 45 проц.). Вопрос о демократии, как таковой, на тех выборах не ставился, они были относительно честными и свободными, и законность победы Кучмы не оспаривалась. Сравнение распределения голосов по регионам в 1994-м с результатами выборов-2004 дает интересные результаты. Уровень поддержки Кучмы и Кравчука в 1994 году и соответственно Януковича и Ющенко в 2004-м на восто-

ке, юге и западе страны был практически неизменным: 75 проц. у победителя на востоке и юге, 90 проц. у победителя на западе. Почти все изменения произошли в центре — в Левобережье, в Правобережье и в столице. В 1994 году Левобережье проголосовало в соотношении два к одному в пользу Кучмы (66 проц. против 31 проц.), и в то время это стало самой большой загадкой. Теперь оно проголосовало за Ющенко в соотношении три к одному (72 проц. против 24 проц.). В Правобережье ситуация изменилась от сравнительно близких результатов у соперников (54 проц. против 42 проц. в пользу Кравчука) в 1994-м до огромного, в соотношении четыре к одному (78 проц. против 19 проц.), перевеса у Ющенко в 2004-м. Десять лет назад критики такой модели поляризации⁶ утверждали, что Правобережье играет роль буфера между поляризованными восточными и западными областями. Но теперь этот буфер больше не существует — за исключением крошечного Херсона.

Как крестьянство стало «оранжевым»

В период между 1994 и 2004 годами резко изменилась электоральная ориентация целого социального слоя — крестьянства. До недавнего времени крестьянство было национально ориентировано только в Западной Украине, то есть в областях, которые не испытали социальных катаклизмов коллективизации и голода в 1930-х. В сельскохозяйственной глубинке Центральной Украины крестьянство было склонно поддерживать социалистов или коммунистов. Все выглядело так, будто на дворе снова 1917–1918 годы, хотя причины другие: национальное движение победило на западе страны, в столице

политически активным компонентом нарождающейся политической нации.

Второе вероятное объяснение касается прежде всего местных элит. Не исключено, что из-за наследия 1930-х годов и экономической зависимости крестьянство в целом все еще остается в значительной степени послушным местным властям, но дело в том, что за прошедшее десятилетие изменилась ориентация самих этих властей. При всех разговорах о том, как применение «административного ресурса», то есть неправомерное использование возможностей местных администраций для продвижения кандидата правящего режима, искажило результаты первого тура

“В Украине и до «оранжевой революции» был более автономный парламент, нежели в России, и гораздо более состязательный избирательный процесс”.

и в некоторых урбанизированных областях центра, но не смогло проникнуть в сельскую местность. Самым большим достижением Ющенко стало то, что он смог сплотить под своими знаменами сельскую Украину. Это началось на парламентских выборах-2002 и стало главным фактором заключительного тура президентских выборов-2004.

Пока мы не знаем в точности, как крестьянство стало «оранжевым»; здесь опять же потребуются серьезные полевые исследования. Возможны две линии развития. Первая — это активизация социального класса, который, по существу, был уничтожен в 1930-х годах. За прошедшее десятилетие у крестьян могло сформироваться политическое сознание, которое определило критическое отношение к властям и восприимчивость к «оранжевым» идеям. Может быть, в ноябре — декабре 2004-го крестьян на Майдане было не так уж много, но именно их готовность голосовать за перемены решило судьбу прежнего режима. Пожалуй, впервые в украинской истории крестьянство стало

выборов в октябре 2004-го (результаты которого уже были четко географически поляризованы, причем далее поляризация с каждым туром усиливалась), никто не предложил удовлетворительное объяснение, почему этот пресловутый административный ресурс, как утверждается, сработал в Восточной и Южной Украине и не сработал ни в каком другом месте. Особенно в условиях, когда все местные администрации подвергались мощному давлению центра, с тем чтобы добиться результатов в пользу Януковича, а Ющенко был отлучен от общенациональных телевизионных каналов, которые равно вещают на все регионы. Почему шантаж со стороны государства оказался эффективен не всюду — в частности, не подействовал на отдаленные сельские районы?

Американский политолог Лукан Уэй в своей статье ⁷, вызвавшей широкую дискуссию, утверждает, что проект авторитарной реставрации, по-видимому успешно реализуемый в России, столкнулся в Украине со структурной проблемой, а именно с раз-

делением элит по национальному вопросу. Несмотря на шантаж со стороны государства, в Украине и до «оранжевой революции» был более автономный парламент, нежели в России, и гораздо более состязательный избирательный процесс. По мнению Уэя, в Украине демократия сформировалась «сама собой» за неимением иного политического проекта. Исполнительная власть постоянно пыталась нарушить демократические правила, но демократия оказалась достаточно сильна, чтобы не позволить режиму просто изменить результаты выборов в свою пользу. В октябре 2004 года никто не мог предсказать «оранжевую революцию», но никто, включая и сам правящий режим, не мог точно предсказать и то, каким будет результат выборов (мрачные прорицатели из числа украинской интеллигенции выступали с апокалиптическими прогнозами, но, как оказалось, в корне ошиблись). Реальные обстоятельства еще до «оранжевой революции» оказались таковы, что, несмотря на титанические усилия режима Кучмы, никакие предвыборные манипуляции не смогли сдержать претендента: в преддверии выборов у него были очень неплохие шансы на победу. Плюрализм политической системы, уничтоженный в Белоруссии и значительно ослабленный в России, но, как ни странно, довольно заметный в Молдавии и Украине, Уэй объясняет существованием структурных различий на уровне элит по признаку национализма. Неосоветское государство оказалось неспособным к полной рецентрализации и восстановлению того, что русские и украинцы называют «вертикалью» государственной власти, поскольку у элит был стимул к объединению вокруг двух полюсов, а это, в свою очередь, способствовало формированию в системе определенной степени плюрализма — за неимением иного проекта.

Почему элиты в сельской Украине смогли противостоять давлению пресловуто-

го административного ресурса со стороны центра? Не потому ли, что они почувствовали глубокие изменения политических привязанностей у своих избирателей? Или существует что-то еще, что делает их восприимчивыми к «оранжевым» идеям? И вот тут я хотел бы подробно рассмотреть фактор языка. Украина — двуязычная страна (не в смысле государственной политики, а в смысле социологических реальностей), и у тех, кто там живет, довольно непростое отношение к языку. Украинцы проводят различия между языком, с которым они себя идентифицируют, языком, на котором они фактически предпочитают говорить, когда у них есть возможность выбора, и языком, на котором, будь их воля, шло бы обучение их детей в школе. Хорошо известно, что в украинских регионах существует четкая корреляция между языком, которому отдают предпочтение, и уровнем поддержки Януковича или Ющенко. В Центральной и Западной Украине доля людей, предпочитающих украинский язык, составляет 75–80 проц., и уровень поддержки Ющенко лежит в пределах того же процентного диапазона. В Восточной и Южной Украине от 75 до 80 проц. людей предпочитает говорить по-русски, и примерно таков же уровень поддержки Януковича. «Оранжевая революция» вспыхнула в областях, говорящих по-украински, причем «говорящих» скорее в смысле практического поведения, нежели символической принадлежности. Если использовать эмпирические критерии, 99 проц. крестьян в Центральной Украине — а именно эта группа обеспечила победу Ющенко — говорит на украинском языке. Это вновь возвращает нас к нашему вопросу: что делает крестьянство и/или сельские элиты восприимчивыми к «оранжевым» идеям? Может ли это быть связано с тем, что в данной среде преобладает украинский язык?

Между вторым и третьим турами выборов национальные СМИ работали открыто; как отмечали наблюдатели, освещение избирательных кампаний обоих кандидатов стало сбалансированным, и премьер-министр Янукович, внезапно ушедший в отпуск, потерял возможность использовать пресловутый административный ресурс. Но поразительным образом три недели «оранжевой» лихорадки не оказали практически никакого влияния на Восточную и Южную Украину. Искусственно завышенная явка избирателей в Донецке была скорректирована и, уменьшается, снизилась с 97 до 84 проц., и хотя это все равно на 7 проц. выше среднего значения по стране, но тем не менее вполне правдоподобно. Уровень поддержки Януковича в этих областях с преобладающим городским населением не изменился, а если где и произошли небольшие изменения, то опять-таки в сельских районах. Однако в Центральной Украине поддержка Януковича, и так уже довольно слабая, практически сошла на нет. Если отвлечься от фальсификации явки в Донецке, главным различием между вторым и третьим турами стало то, что «оранжевая» зона стала еще более «оранжевой» и поляризация усилилась.

Как следует интерпретировать эту поляризацию? Один подход, встречающийся в исследованиях, посвященных Украине⁸, состоит в том, чтобы игнорировать этот фактор как нелегитимный, то есть считать, что число голосов, поданных за Ющенко в третьем туре, является отражением истинных предпочтений его избирателей, но одновременно утверждать, что число голосов, поданных за Януковича, отражением истинных предпочтений его, Януковича, избирателей не является. Иными словами, голоса в пользу Ющенко имеют силу, а голоса в пользу Януковича сомнительны. Но зачем тогда было привлекать огромное количество иностранных наблюдателей (судя по всему, боль-

ше 12 000), направляя их главным образом в «зону Януковича», если в ответ на заключение международных контролирующих организаций, с которыми они сотрудничали, и даже местного Комитета избирателей о том, что выборы были честными и свободными, потом все равно заявить, что, дескать, число голосов, поданных за Януковича, неправомерно раздуто? С точки зрения любых разумных стандартов в третьем туре не было замечено никакой систематической фальсификации, которая могла бы оказать значимое влияние на результаты в общенациональном масштабе. Однако и в условиях честной регистрации явки уровень поддержки Януковича на востоке и на юге страны остался таким же, каким он был 21 ноября.

В несколько измененном виде эту позицию, которую, по-видимому, разделяет премьер-министр Тимошенко и, вероятно, также президент Ющенко, можно сформулировать так: хотя подсчет голосов в третьем туре проходил в соответствии с законом, условия, в которых граждане делали свой выбор и голосовали, не отвечали требованиям закона. Гражданское общество в Восточной и Южной Украине еще не укоренилось, и люди здесь гораздо больше подвержены манипулированию со стороны местных элит. Голоса, поданные за Януковича, нелегитимны, потому что они суть следствие закрытости общества. Если система станет открытой, предпочтения избирателей на востоке страны заметно изменятся, и это будет способствовать смягчению поляризации. Так как стремление к открытому обществу исходит из Центральной и Западной Украины, то в Восточную системная реформа должна быть привнесена извне. Следствием этой предпосылки стало то, что во вновь сформированном кабинете уже не доминируют представители Восточной Украины, чего прежде никогда не случалось. Всего четверо из двадцати трех министров родились или прожили

значительную часть жизни в Восточной или Южной Украине, причем два из них, включая премьер-министра, — это представители коалиции (блок Тимошенко), которая на парламентских выборах в 2002 году получила в родном Днепропетровске всего 4 проц. голосов. Политические деятели, которых избирали Восточной Украины могли бы признать своими представителями, в новом кабинете фактически отсутствуют.

Для таких рассуждений, конечно, имеются некоторые основания — в частности, очевидная асимметричность «зон» Януковича и Ющенко в том, что касается способности к социальной организации. Если в Центральной Украине гражданское общество активно проявило себя в ходе «оранжевой революции», на востоке и на юге страны оно вроде бы практически не существует. Создается впечатление, будто Украина состоит из двух разных миров: один стремится порвать с советской моделью общества, а другой, несмотря на то что его экономическая жизнь претерпела глубокие изменения, все еще не проявляет инициативы в отношениях с государством. Почему тамошнее население так противится переменам? В конце концов, речь идет о высокообразованном населении, даже по мировым стандартам. Так почему же молодое поколение здесь очевидным образом менее открыто для изменений, чем их сверстники в Центральной и Западной Украине?

Я предложил бы отказаться от предположения, будто люди сами еще не понимают, в чем состоят их истинные интересы, и сосредоточиться на проблеме национальной идентификации. Географическая поляризация на Украине не носит этнического характера. Большинство населения Восточной и Южной Украины усвоило украинскую идентичность в тех рамках, которые были заданы советской национальной политикой. Именно поэтому разговоры об угро-

зе сепаратизма представляются абсурдными: трудно вообразить, что люди, которые определяют себя как украинцы, захотели бы отделиться от территории, которая называется Украиной и которой они фактически управляют в течение восьмидесяти лет. Единственное исключение — Крым, где этнические русские все еще составляют большинство и где в 1990-х годах сепаратистское движение имело вполне реальную перспективу. Но в ходе «оранжевой революции» Крым оставался пассивным и явка избирателей здесь, в отличие от Донбасса, была ниже, чем в среднем по стране.

Восточные украинцы называют себя украинцами, но не в том смысле, в каком так называют себя западные украинцы («восточными» мы здесь для краткости называем жителей Восточной и Южной Украины, а «западными украинцами» — жителей Центральной и Западной Украины). Восточные украинцы не склонны думать о своей национальной принадлежности в исключающих терминах. В советскую эпоху они ощущали себя одновременно и украинцами, и советскими гражданами. С исчезновением советской идентичности они почувствовали себя брошенными на произвол судьбы и не знают, как им определиться со своей украинской идентичностью. Западные украинцы, наоборот, в гораздо большей степени мыслят исключающими категориями. А в прошлом десятилетии украинская национальная принадлежность, по всей вероятности, сформировалась и в Центральной Украине. Прежде всего для меня здесь важно единое представление о национальной идентичности, то, как люди позиционируют свою идентичность по отношению к окружающему большому целому. Чувство единения обеспечивает им уверенность в себе. А уверенность в себе позволяет совершенно по-иному строить отношения с Россией, что непривычно ни для российского правительства, ни для

русских людей вообще, а у восточных украинцев вызывает чувство дискомфорта.

Восточные украинцы — не русские, но в их представлениях о своем прошлом и будущем отчетливо проявляется ощущение глубокой связи с Россией. Западные украинцы не ощущают этой связи, а если и ощущают, то гораздо в меньшей степени. Суть дела как раз в том и состоит. Западные украинцы склонны полагать, что такое «двухслойное» понимание национальной идентичности на востоке страны можно «перестроить». Это можно назвать «формированием нации» в этническом смысле, а на языке активистов национального движения это означает желание сделать из восточных украинцев «настоящих» украинцев. Но очень может быть, что в опыте Восточной Украины есть нечто устойчивое, что делает подобный проект иллюзорным. Это не вопрос языка, как такового, но языка в данной исторической области. Восточные украинцы смотрят на «оранжевую революцию» через призму восприятия своего регионального опыта, и язык, на котором они говорят, становится символом такого самовосприятия. Они отвергают идею «оранжевой революции» не потому, что они внутренне враждебны проекту открытого общества, а из-за ощущения, что этот проект просто не принимает их в расчет.

«Оранжевая революция» знаменовала собой политическое рождение украинской нации, то есть возникновение у населения способности к самоорганизации помимо государства, а в кризисные моменты — и готовности ему противостоять. Но на данный момент эта политическая нация существует в ограниченных пределах историче-

ских областей — западных и центральных. Теперь (и на годы вперед) самая главная задача Украины — это распространение политической нации на восток и юг страны, с тем чтобы здешнее население ощутило свою принадлежность к Украине в *активном* смысле, а украинское гражданство (или гражданская идентичность) и для них обрело бы реальное содержание. Однако включение в политическую нацию едва ли сможет произойти на основе одностороннего представления о том, что такое национальная идентичность. Если русские в России должны понять, что они не могут в одностороннем порядке навязывать украинцам свое видение украинской национальной идентичности, то и западные украинцы (так мы снова обозначаем жителей Западной и Центральной Украины) не могут в одностороннем порядке навязывать жителям Восточной Украины свое видение украинской национальной принадлежности. Необходимо найти способ преодоления разногласий, основанных на различии идентичностей. Возможно, именно так — как поиск приемлемой формы сожительства — следует воспринимать призывы к «федерализму», звучащие на востоке страны. При этом следует иметь в виду, что первые сигналы, которые восточные украинцы получили после «оранжевой революции», — то, что Ющенко объявил вне закона само слово «федерализм», а в кабинете Тимошенко нет ни одного человека, которого жители Восточной Украины воспринимали бы как своего представителя, — они могут интерпретировать как самоисполняющееся пророчество: герои «оранжевой революции» твердо решили не принимать их в расчет. ■

Примечания ¹ *Wilson A. Ukrainian Nationalism: A Minority Faith. Cambridge University Press, 1996; Matlock J. F. Jr. The Nowhere Nation // New York Review of Books, 2000. Feb. 24. P. 41–45. В этой статье Мэтлок пишет, что население равнодушно смотрит на то, как правящая элита практически уничтожает политические институты.*

² *Kohn H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origin and Background. N. Y.: Collier-Macmillan, 1967.*

³ *Darden K. A. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma // East European Constitutional Review. Vol. 10. № 2/3 (Spring/Summer). P. 67–71.*

⁴ См.: *Armstrong J. A. Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe // J. of Modern History. 1968. Vol. 40. № 3. P. 396–410.*

⁵ См., напр.: *Barrington L. W., Herron E. S. One Ukraine or Many? Regionalism in Ukraine and Its Political Consequences // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. № 1 (March). P. 53–86; O'Loughlin J. The Regional Factor in Contemporary Ukrainian Politics: Scale, Place, Space, or Bogus Effect? // Post-Soviet Geography and Economics. 2001. Vol. 1. P. 1–33.*

⁶ См., напр.: *Garnett S. W. Keystone in the Arch: Ukraine in the Emerging Security Environment of Central and Eastern Europe. Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1997.*

⁷ *Way L. Pluralism by Default: The Challenges of Authoritarian State Building in Belarus, Moldova, and Ukraine // Studies in Public Policy. 2003. № 375.*

⁸ *Knysh G. Yushchenko's Massive Victory // The Action Ukraine Report. 2004. Dec. 29. Vol. 4. № 274 (www.ArtUkraine.com).*